

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Пятьдесят...

Катюшка училась уже на втором курсе университета, но всё так же, как и в школьные времена на летних каникулах обязательно ездила к бабушке и дедушке в деревню. Отдохнуть от города, шума, пыли, суеты и учёбы. Разительный контраст между городской жизнью и местной ощущался с первых же секунд пребывания, всего пара десятков покосившихся домиков, колодец в центре, чуть поодаль речка, вот собственно и всё, что было в деревушке с исконно русским названием Сан-Паоловка. Дед и бабушка Катерины жили на окраине поселения, но зато прям рядом с рекой, в которой так приятно половить рыбу или просто окунуться в жаркий летний день.

Собственно так Катя свои каникулы и проводила. Валялась на травке, загорала, купалась, помогала пращурам по хозяйству и огороду, да читала вечерами книжки, привезённые с собой. Частенько дед садился со стаканом смородинового вина перед телевизором и перемывал косточки участникам телевизионных шоу, политиков и прочих, как он выражался бесполезных личностей. Звали деда Крестослав, то ли в честь Колумба, то ли просто родители над ним поржать хотели, однако сам он всегда любил своё имя, да и фамилию, тёплую такую — Греев. Бабку же по паспорту называли просто Анастасия Стилова. Фамилию деда она не взяла, так как в журнале «Крестьянка» в 1958 году о ней напечатали хвалебную статью, как о лучшей доярке деревни и сменить фамилию означало стать уже «не той».

Собственно, Катя побалдев две недели в Сан-Паоловке умотала назад в свой городок. И ничего бы не случилось, если б она не забыла одну из своих книжек на тумбочке у кровати. Первым её обнаружил дед, прилегший было на дневной сон после пары стопочек самогонки. Взял книжку в руки, повертел её. Старческое зрение помогло увидеть лишь написанные на обложке крупным шрифтом цифры «50», надпись ниже без очков никак не хотела фокусироваться.

— Бабка, ты тут свой фотоальбом с позапозапрошлого юбилея забыла что ли? — крикнул дед.

Ответа он, естественно не дождался, так как Анастасия Петровна в тот момент увлечённо полола грядки с кукурузой. А потому дед кряхтя встал и потопал в сторону книжного шкафа, чтобы устранить сей мерзкий домашний беспорядок, да по пути натолкнулся на свои очки, лежащие на журнальном столике у телевизора. Водрузив мудрёный оптический прибор на переносицу, Крестослав Митрофанович понял, что это совсем и не фотоальбом, а что ни на есть книга, в красивой обложке и с кучей страничек печатного текста. Дед вернулся на кровать, лёг и погрузился в чтение.

В течении недели бабка стала замечать перемены в поведении деда. Он забросил вечерний просмотр телевизора с хаяньем тамошних человечков, перестал хлебать самогонку, хотя на смородиновое вино поднасел плотнее, чем раньше. Во время совместных приёмов пищи частенько буравил бабку своими голубыми глазами из под густых нависших бровей, да иногда так тщательно, что засыпал прямо во время этого непонятого для бабки процесса. Одно Анастасия Петровна знала наверняка — дед что-то задумал и выпытывать это что-то у него смысла нет, по крайней мере так говорил опыт супружеских лет. И бабка молчала в тряпочку, ожидая развязки. А развязка вскоре наступила...

Обычным вечером, поев картошечки со свежей поросятинкой и запив это дело

смородиновкой, дед как обычно уставился в бабку, вздохнул и начал:

— Анастейша... Тьфу ты... Анастасия, мне кажется, что как-то скучно мы живём. И я нашёл способ разнообразить наш с тобой досуг, в том числе интимный. Давай ты станешь моим сабмиссивом, а?

— Ты охренел что ли старый? Каким ещё сабосивом? Ты нигде головушкой не ударился? — бабка протянула руку к дедовой голове в поисках возможной шишки или ушиба.

— Эх, темнота ты бабка!! САБМИССИВ, — по буквам проговорил Кростослав, — это ты будешь моей рабыней, выполнять мои прихоти...

— Я то темнота? — взорвалась бабка, — открой учебник по истории! Любой школьник знает, что рабство отменили, а прихоти твои я уже считай как лет 50 выполняю. Стираю, убираюсь, готовлю, носки твои раскиданные собираю, вино подаю и наливаю, только что в попку не целую!

— Да это просто игра, я будто господин, а ты мне подчиняешься. А если не подчиняешься, я тебя наказываю.

— Игра? — Анастасия Петровна побелела, потом покраснела, потом шумно выдохнула воздух, — ты вон иди лучше в «ферму» поиграй, как внучка рассказывала. Прополи, собери, полей и сарай почини.

— Бабка, да дай договорить. Мы ж это, ну... сексом заниматься ещё будет. Да по-разному, я нам даже красную комнату сделал... в смысле сарайчик оборудовал.

— Так вот кто крюков в крышу навбивал, да клетку в угол приволок? А ты знаешь, что сарай теперь протекает, когда дождь идёт? Иди, говорю, дыры залатывай, пока скалкой не огрётся, господин идрить твою мать, — поставила жирную точку в разговоре Анастасия Петровна.

Следующие несколько дней дед вёл себя как обычно, смотрел телевизор, копался с бабкой в огороде, правда попивал винишко с аристократической физиономией, да также буравил бабку глазками при возможности. Затеи он своей не оставил, но затаился и ждал подходящего случая.

Утро выдалось тёплым и безветренным, солнце ярко светило и прогревало воздух до одурения. () Анастасия Петровна самоотверженно трудилась на морковной гряде, уничтожая сорняки всех сортов и размеров. В это время Кростослав Митрофанович вышел на крыльцо в своих шикарных семейных трусах, прищурился от яркого света и сфокусировал взгляд по немаленькой филейной части супруги. План родился в голове мгновенно. Дед преодолел расстояние в одну секунду, задрал подол бабкиного халата, попытался сдвинуть панталоны в сторону, это не удалось, пришлось тащить труселя по ляжкам вниз. Это оказалось тоже крайне сложным занятием. Последнее, что мелькнуло перед глазами деда, оказалось здоровенным корнеплодом моркови, которую выдрала бабка и зарядила своему дражайшему супругу аккурат между глаз.

Больниц в Сан-Паоловке не было, поэтому дед с нехилым сотрясением от тупого тяжёлого предмета попал в районную больничку.

Бабка приехала с соседом на машине за Кростославом через 2 недели. Дед быстро собрался, стараясь не смотреть в глаза Анастасии Петровне и плюхнулся на заднее сиденье, рядом с женой. Бабка хитро заглянула в глаза деду и шепнула:

— Чего ж ты мне раньше это не дал, дурачок? — высунув одной рукой из пакета кусочек обложки с крупными цифрами «50», а второй слегка задрал юбку, откуда озорно выглянула широкая резинка чулка.